

СИЛЬНЫЙ, ТЕПЛЫЙ ГОЛОС ЗАВОРАЖИВАЛ. ЗВУЧАЛА СТРАННАЯ, ПРОРОЧЕСКАЯ, ДАЖЕ НЕ ПЕСНЯ, А СКОРЕЕ ЯЗЫЧЕСКАЯ МОЛИТВА ПРО ЧЕРНОГО БОБРА; ОНА ЗВАЛА В БЕДУ, В НЕВОЗВРАТНОСТЬ. ПЕЛА ОЛЬГА БОРОДИНА.

НАЧАЛО

ПРОИСХОДИЛО СОБЫТИЕ, редкое даже для Кировского театра, с его великолепным, много и плодотворно самостоятельно работающим оркестром. Был вечер музыки Сергея Прокофьева, звучали 6-я симфония и оратория «Иван Грозный». Понятна увлеченность театра: его коллектив уже в прошлом сезоне вошел в мир Прокофьева, а нынче одержим идеей нового фестиваля, в рамках которого прозвучат не только пять опер, три балета, но и многие симфонические произведения композитора.

Какое-то время Ольга Бородина оставалась в стороне от события. С самого начала она заявила спокойно и твердо: «Прокофьев — не мой композитор». И не только сказала, но и сделала: профессионально чисто спела небольшую партию Элен Курагиной в «Войне и мире», а от участия в «Игроке» попросту отказалась. Послушная, дисциплинированная Оля, умеющая не только уважать, но и искренне разделять чужое, выношенное, выстрадавшее убеждение, тут твердо стояла на своем. До встречи с ораторией «Иван Грозный», когда «не любимого», «не своего композитора» спела так, как будто это музыка собственного сердца...

Звезда Ольги Бородиной не только по нашим, доморошенным, но и по общепринятым нормам взшла необыкновенно рано. Ей сегодня только 27 лет, а позади уже и победы в престижных международных конкурсах в Нью-Йорке и Барселоне, и труднейшие партии в «Хованщине» и «Борисе Годунове» на родной сцене; горячее признание публики таких исконно музыкальных держав, как Италия, Испания, Германия, выступления на сценах едва ли не всех столиц Европы и Нового Света.

Конечно, было для этого самое главное — божий дар: голос сильный, гибкий, яркий, богатый красками. Артистка красива, сценична, с гордой статью, с хорошим характером. Но высшее везение Ольги Бородиной, наверное, в том, что она оказалась абсолютно «своевременным» человеком.

Студенткой 3-го курса была принята по конкурсу в оперную труппу Театра имени Кирова, и за первый сезон лишь несколько раз вышла на сцену в маленькой партии в «Фаусте». Дебют оказался неинтересным и незаметным. И подобным этому дебюту могло оставаться ее положение в коллективе долгие годы — в мире кулис своя логика. И вот она-то, эта логика, вдруг перестала определять ход вещей в Кировском. В театре сменился главный дирижер. Среди небольшого количества достоинств, которыми наделен новый главный, Валерий Гергиев, есть одно бесценное: категорическое нежелание сдерживать творческие процессы какими-то ограничительными мерами, стремление во что бы то ни стало вырваться за рамки принятого, ставшего уже ритуалом. И его первый год в новом качестве ознаменован фестивалем Мусоргского, когда силами одного Кировского театра были подготовлены и показаны публике все пять опер композитора, все симфонические произведения, все вокальные циклы.

А начали с «Хованщины» — оперы и музыкально, и театрально, и духовно необъятной, как сама стихия народной жизни! Партия Марфы в «Хованщине» всегда считалась возрастной. Это и понятно: она требует не только большого вокального, сценического опыта, но и душевной зрелости артиста. Репетировали Марфу Ирина Богачева, Евгения Гороховская, Людмила Филатова — три блистательные меццо этого театра. Четвертая исполнительница, Ольга Бородина, молча присутствовала на репетициях. За неделю до премьеры она впервые вышла на сцену. Это была трудная репетиция для всех. Такая воля к жизни, такая юная страсть звенели в переполненном страданием голосе, что «Хованщина» зазвучала не только, и даже не столько трагедией идеи, сколько трагедией судьбы.

В одночасье рассыпалось здание «Хованщины», «выстроено» за месяцы. И мгновенно воздвигнулось новое. Вот уровень профессионализма этой труппы! Потом была еще одна репетиция, и на премьеру вышла Ольга. Пела в Ле-

нинграде, пела в Гамбурге. Успех был триумфальный. А вот головокружения от успеха не было. Вообще не умеет кружиться ее голова. А в данном случае, по здоровом размышлении, оказалось — не от чего. Партия Марфы протяжена, сложна. Певица осознала это, но не чувствовала — петь было легко. Интенсивная, сумасшедшая работа, еще не ставшая нормой, создавала ощущение праздника, особой дерзновенности, предвкушения неизменного успеха. А для Ольги — в особенности. Это был настоящий дебют: и нервы — в струнку, и крылья за спиной, и вдохновением окрашен каждый звук...

Но вдохновение — категория не подвластная никому и ничему. А жизнь в театре продолжалась. Вводы в спектакли следовали один за другим: «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Князь Игорь». Жизнь требовала постоянства хорошей формы. Если соответствовать уровню «Хованщины» — очень хорошей формы. Для этого нужно, пожалуй, немножко — постоянно жить в музыке, все новой и новой.

Будем справедливы: умозрительная мудрость, даже при большом честолюбии, юному человеку не свойственна. На международных конкурсах, на зарубежных гастролях театра Ольгу Бородину не только заметили, но и запомнили. Предложения выступить с сольными концертами или участвовать в парадах «звезд» следовали одно за другим. А повторяться не хотелось, просто нельзя повторяться! И создавались программы, серьезные и неожиданные, продиктованные уверенностью в себе и безупречностью выбора. Романсы Чайковского. Романсы Рахманинова. Старинные арии. Испанские песни. Арии России...

Ее принимают прекрасно. Но она-то сразу поняла, что концерт — это не только голос. Это образ. Певцу, как всякому артисту, даже при условности его общения с публикой, больше, чем всякому, нужно испытание большой режиссурой. К ней и это испытание пришло само собой — впереди был «Борис Годунов».

Великий Тарковский поставил «Бориса Годунова» на сцене «Ковент-Гардена» в Лондоне. А потом этот спектакль был воссоздан в прошлом сезоне в Ленинграде. Жесткая заданность сценического пространства, четкая выверенность каждого полустага, намек на жест душевного порыва или всплеска характера. А сами характеры развиваются в двух измерениях. Два лика и у Марины Мнишек — героини Ольги Бородиной. Ее царственность перед толпой и Самозванцем — наигрыш, ложь. Зато в сцене с Рангоном — чаша подлинного унижения полна до края. При этом жизнь Марины — Бородиной в рамках концепции Тарковского естественна в своей внешней броскости и внутренней незначительности. И даже голос, всегда такого широкого объема, звучит здесь как-то легко, прорисовывая контуры пышного пустоты...

Да, она оказалась в театре своевременно, в момент его взлета. А для себя — в ту прекрасную пору, когда психологически все легко, когда удачу еще не умеешь оценить по меркам подлинной дерзости, но уже понимаешь, что не в слепом везении она, а в умении распорядиться талантом.

И наша жизнь, так круто изменившаяся для творческого человека, словно сама далась ей. Решать, где завтра будет петь Ольга Бородина, может только она сама. И она поет в Нью-Йорке, в Вене, в Амстердаме, в Барселоне... Высшее соображение только одно: не поставив при этом в трудное положение собственный театр в Ленинграде. Такую школу трудно переоценить. Разные труппы, разные требования, разные технические приемы дают таланту особый простор. И дают возможность освоить

огромный репертуар, знать и петь те спектакли, которые на родной сцене не появятся никогда.

Даже то обстоятельство, что в консерваторию она поступила лишь с третьей попытки, следует признать фактом для нее благоприятным. Русскому человеку с его необъятным природным легкомыслием надо выстрадать выбор. Хотя чуть-чуть.

Несмотря на молодость, все, что определяет личность, Оля Бородиной, уже состоялось.

Это — прежде всего отношение к родителям. Она выросла, как принято говорить, в простой семье. Но много ли нынче найдется простых семей, где не только любят музыку, но все свободное время отдают активному музицированию? Здесь труд всегда был основой жизни, совесть — мерилом поступков. Без проповедей и нотаций ценности, в которые веровали родители, составили и основу характера дочери. Она взяла на себя заботу о родителях и их общем доме тогда, когда они в этом еще не нуждались, и тем облегчила неизбежный грядущий переход, увей, в старость. Она и собственную семью построила по образу и подобию родительской: вышла замуж по любви и в годы беспечные дала жизнь прелестному сыну.

Это — отношение к учителю. Она училась в консерватории у Ирины Петровны Богачевой. Оценивая по достоинству, то есть в превосходных степенях, голос, актерское мастерство, волевою основу личности учителя, Ольга поняла сразу, что в этом-то и кроется самая большая опасность для ученицы. Имея перед глазами постоянно слишком яркий пример, очень легко впасть в рабство, в простое копирование. Но повторить голоса Богачевой, особый аристократизм ее актерского облика невозможно. Да и не дорога копия. А потому, учась усердно владению голосом, развивая его возможности, осваивая репертуар и выбирая в нем свое, она следовала главной заповеди Ирины Петровны — слушай всех, но имей свою голову на плечах.

И хотя очень скоро в труппе Кировского учитель и ученица оказались на равных, и хотя это равенство внешне незыблемо — Ирина Петровна настаивает, не опекает, а Ольга с какой мелочью не бегает за советом (обе с характером!) — высшим судьей и высшим примером остается для Бородиной Богачева. Есть такое строгое понятие — школа. Только она делает природный дар устойчивым в жизненных бурях и перепадах сценических температур. А школа — это прежде всего его величество учитель.

Наконец, это кодекс товарищества. В остроконкурентном мире театра он не всегда соблюдается. Особенно «звездами». Но и здесь все зависит от человека. Оля Бородина всегда выйдет в спектакле на замену. И поедет на непрестижный пока фестиваль в Костомукшу, на край родимой земли. И согласится петь в концерте, чтобы «приподнять» его афишу. Если это нужно театру, если решились друзья, если решается судьба кого-то из товарищей по искусству.

Говорится об этом так подробно не затем только, чтобы полюбоваться состоянием юной души. А что есть музыка? Отчего человек поет? Да только от избытка физического и душевного здоровья. Только от желания выразить в звуке всю многоликую гармонию мира. Без света в душе не зазвучит в голосе ни сила, ни красота, и не найдет он отклика в море человеческих страстей, добродетелей и пороков.

Ах, как серьезно все это звучит... А ведь речь о талантливой, хорошей девочке! Все, что прожила она и спела, — утро жизни. И весь долгий день еще впереди...

Э. ГОРЧАКОВА.

(Наш соб. корр.).

ЛЕНИНГРАД.

Фото А. Степанова.